

ДЖОАН ЭЙКЕН

Худ. Александр Костенко

1993 – 128 с.

100 000 экз. (о)

Джоан Эйкен. Кот, который жил в водосточной трубе: Сказки/ Пер. Алексея Барииева.

Алексей Барииев. Предисловие

Днепропетровск, Журнал «[Кентавр](#)», №8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свыше тридцати лет выходят произведения популярной английской детской писательницы Джоан Эйкен. Родилась она в 1924 году.

Дебютировала в 1955 году рассказами в журналах. Неоднократный лауреат национальных литературных премий. Инсценировки по ее сказкам очень популярны на британском радиовещании… А телекорпорация «Ай-ти-ви» сняла 12-серийный мультипликационный фильм «В седле по морю».

Излюбленные жанры Дж. Эйкен – сказки для малышей и повести, в основном исторические, для детей 8 – 12 лет.

Творчество писательницы известно и у нас. Издательство «Детская литература» выпустило две книжки сказок Эйкен: «Кусочек неба в пироге»(1986 год) и «Королева луны»(1992 год). Появилась ее книга и в Украине – «Пекарчин кіт» («Веселка» 1989 год). Многие сказки Эйкен звучали в передачах украинского радио. Все переводы выполнил автор этих строк, днепропетровец.

В бывшем СССР вышли два мультипликационных фильма по сказкам Эйкен: «Дождливая история» и «Яблочный пирог».

Алексей БАРИЕВ

КОТ, КОТОРЫЙ ЖИЛ В ВОДОСТОЧНОЙ ТРУБЕ

Пересказ с английского АЛЕКСЕЯ БАРИЕВА

Триста лет тому назад, в те времена, когда мужчины ездили верхом на лошадях, а женщины – в экипажах, когда корабли плавали под парусами, а короли жили в замках, и когда можно было купить большую булку хлеба всего за один пенни, в Венеции жили три кота.

Венеция – это очень своеобразный город, расположенный почти на сотни островов. Улицы его заполнены водой и называются каналами. И только в самых узких закоулках можно пройти по сухой земле. Если вы захотите проехать по городу, то возьмете лодку-гondолу. Когда домохозяйке надо навестить соседку на другой стороне улицы, она берет лодку и переправляется, если только поблизости нет моста. Дети и кошки в Венеции учатся ходить и плавать почти одновременно.

Котов, о которых я хочу рассказать, звали Неро, Сандро и Сеппи.

Неро был большой, черный, как смоль, и очень сильный. Он жил у трубочиста Бенно Фоско. Неро помогал ему чистить дымоходы. В Венеции их чистят сверху. Трубочист, стоя на крыше, опускает в трубу связку прутьев, длинную, как помело, и выбивает сажу. Неро и его хозяин исходили все крыши Венеции с метлами и мешками, полными сажи. Если дымоход был узок и очень засорен, в него залезал Неро, выбивал острыми когтями и сильными лапами, подметая за собой собственным хвостом.

К счастью, Неро был черным, и сажи на нем не было видно. Он вечно по уши был перепачкан ею и оставлял за собой тучу сажи, когда выходил прогуляться. А если хозяин давал ему шлепка, из него выходила еще одна черная туча. Никто, кроме Бенно Фоско, не смел даже погладить Неро, он мог откусить палец любому, кто прикоснулся бы к нему. Когда трубочист греб на гондоле с мешками сажи, Неро сидел впереди напоминая большое украшение из угля. Чаще всего он сидел молча, но время от времени издавал низкий угрожающий вопль «Ау-вау-ау-ау!», означавший: «Кто желает сразиться со мной?». И когда он делал это, остальные коты, сидевшие на подоконниках и порогах домов, на мостах или других лодках, обычно прикрывали глаза, растерянно пожимали плечами и держались довольно мирно, пока он проплывал мимо них. Никто не отваживался вступать в драку с Неро.

Сандро был совсем другой кот. Его длинная, мягкая шерсть имела темно-оранжевую окраску. У него всегда был мирный, сонный и благородный вид, большую часть дней своих он дремал на красной бархатной подушке в будуаре своей хозяйки-принцессы, которая жила во

дворце на одной из самых красивых улиц. Два или три раза в день принцесса расчесывала Сандро серебряным гребнем и восхищенно приговаривала:

– Бело Сандро! Бело гатто!

Что в переводе означает: «Красивый Сандро! Красивый кот!»

Сандро никогда не обращал внимания на ее слова, а только еще крепче засыпал, свернувшись калачиком. В дневные часы он лишь изредка умывался. А ночью, когда его хозяйка, принцесса Капелла, спала, он выбирался побродить по крышам домов Венеции.

Сеппи, третий кот, совершенно отличался от них обоих. Прежде всего, он был намного меньше. У Сеппи не было хозяина, он родился в старой корзине из-под рыбы и жил в разбитой водосточной трубе. Несчастная мать его в шторм свалилась с рыбачьей лодки и утонула, когда он был еще котенком. С того дня Сеппи ничуть не вырос. Он питался рыбными головами и остатками макарон, которые удавалось отыскать на помойках. У этого безобразного кота были черные и белые пятна разных размеров: одна лапа – черная, а остальные – белые, черная маска на белой мордочке и черная спина. Одно ухо было черное с белой полосой, а другое – белое с черным кончиком, один глаз желтый, а другой – голубой. А вместо хвоста у него остался лишь короткий черный обрубок. От этого он стал похож на кролика и часто терял равновесие. Там, где другие коты могли грациозно запрыгнуть на крутой обрыв или легко пройти по узким перилам, Сеппи приходилось собирать все свои силы, иначе он срывался и падал. Но он упорно учился сохранять равновесие и когда все же падал, то всегда удачно приземлялся. Сеппи был такой тощий, что весил чуть больше тряпки. Каждый день он весело и рискованно карабкался по всем крышам и стенам, и башням, и лодкам, и мостам Венеции. Кот постоянно голодал, но никогда не отчаивался, жизнь была в нем ключом. Люди смеялись над ним и называли шутом: в своей черной маске он действительно выглядел как клоун.

Неро, Сандро и Сеппи явно не были друзьями. Неро был слишком силен, чтобы нуждаться в друзьях, а Сандро – ужасно ленив. И оба смотрели свысока на Сеппи, обычного кота из сточной канавы, который к тому же был гораздо моложе и меньше их.

Но одно увлечение связывало всех троих – музыка. Они страстно любили ее. Вечерами по пятницам они регулярно собирались на спевку. Коты всегда собирались в одном и том же месте, на деревянном горбатом мосту через тихую заводь. И там всю ночь, в любую погоду, кроме снегопада, проводили свой концерт, пока первый луч восходящего солнца не окрашивал воду канала в розовый цвет.

Вот почему Неро и Сандро готовы были терпеть Сеппи и смотрели сквозь пальцы на его шутовской вид, грубые манеры и отсутствие хвоста; несмотря на свою тщедушность он обладал необыкновенно громким голосом и к тому же мог спеть более высокую гамму, чем любой другой кот в Венеции.

Программа их пения всегда была неизменной. Начинал Неро, потому что у него был самый низкий голос. Усевшись на самой верхней ступеньке

моста, словно большая бесформенная черная глыба, с усами, торчавшими по сторонам, он обычно издавал четыре или пять воплей, одинаково низких, хриплых, трепетных басовых звука, похожих на скрип старого мельничного колеса: *хай, рууу, рууу, рууу*.

Потом наступала долгая пауза, пока Сандро готовился исполнять свою партию трио, выражавшуюся в тихом, печальном, плачущем теноровом звуке, неотличимом от отдаленного корабельного гудка в густом тумане.

После этого коты сидели молча и недвижимо, не шевеля даже усами, так долго, что любой слушатель мог подумать, будто они окончили концерт и разошлись по домам. Но ничуть не бывало – Внезапно маленький Сеппи издавал такой душераздирающий пронзительный вопль – *фрииииии!* – что птицы просыпались под карнизами соседних домов и поднимали крик, а собаки начинали лаять за две мили вокруг, пока какой-нибудь пес, оказавшийся вблизи канала, не прогонял их. К счастью, жители Венеции вполне привыкли к таким концертам и не обращали на них внимание. Даже Сандро и Неро вздрагивали от голоса Сеппи; каждый раз, когда он заканчивал свою партию, они смотрели на него почти с уважением.

После этого коты повторяли свой концерт, всегда в том же порядке, – Неро запевал первым, а Сеппи заканчивал, – с долгими паузами между сольными партиями. А в самом конце пели хором.

Изредка какой-нибудь незнакомый кот пытался присоединиться к их группе, но ни Сандро, ни Неро не допускали этого. Сандро издавал ужасное шипение, а Неро вскакивал со своего места на верхней ступеньке и наносил дерзкому кандидату сильнейший удар в ухо запачканной в саже лапой. Тот сразу спасался бегством и считал большой удачей, что сохранил в целости уши и хвост.

Таким образом, концерты проводились по ночам каждую пятницу. Половина кошек Венеции приходила послушать их и сидела в восхищенном молчании на почтительном расстоянии.

Потом, когда всходило солнце, три певца молча расходились в разные стороны. Неро взбирался на крыши и принимался за работу, Сеппи скрывался в сети закоулков в надежде найти рыбный хвост или пару дюймов выброшенных спагетти, в то время как Сандро грациозно покачивал золотистым хвостом, поджидая лодку. Все гондольеры, курсировавшие по венецианским каналам, знали принцессу Каппеллу и ее кота: Сандро без труда находил гондолу, чтобы попасть домой. Любой лодочник, подбирающий его, знал, что дворецкий наверняка даст на чай три золотых дуката.

Так продолжалось много месяцев.

Но однажды вечером в пятницу, в холодном ноябре, когда Сандро и Неро в условленный час появились на мосту, они с удивлением обнаружили, что Сеппи там нет. Обычно он первым приходил к месту встречи, ведь он был занят лишь поиском объедков, тогда как Неро могла задержать чистка дымоходов, а Сандро обязан был сопровождать свою хозяйку на прогулках.

– Где шатается этот маленький негодник? – нетерпеливо спросил Сандро, поеживаясь от ледяного ветра. – Он мог бы поторопиться. Ничто так не согревает, как музыка.

– Может, начнем без него? – предложил Неро.

– Нет, это не имеет смысла без дискантовой партии. Я все же надеюсь, что маленького глупца не сбросили в канал и он не утонул.

– Вероятно, подрался с тем, кто больше его самого, и лишился головы, – с тревогой в голосе сказал Неро. – Я почти уверен в этом, ведь последние дни его не было видно на улицах.

– Нет, все в порядке, – вот он идет, – с облегчением произнес Сандро, заметив небольшую тень, промелькнувшую на стене.

Сеппи избежал по ступенькам и присоединился к своим собратьям по пению. Но он не казался таким беззаботным, как прежде. Он не стал объяснять причин опоздания, он не оправдывался даже тогда, когда Неро зарычал на него, Сандро неодобрительно зашипел. Сеппи молча сидел с открытым ртом, мечтательно глядя на холодную луну. К тому же, когда подошла его очередь петь, он очень долго молчал, и его товарищи испугались, что он потерял голос. А когда Сеппи наконец издал свой пронзительный вопль, он вышел не таким громким и дребезжащим, как обычно; в сущности получился тихий, жалобный звук, чуть громче крика чайки. Неро и Сандро возмутились.

– Пой как следует, негодник! – вскричал Неро и закатал ему в ухо. – Что это за звук? Новорожденный котенок и тот споет лучше тебя. Человек с другой стороны канала едва расслышит твой голос.

– Ты болен? – более сочувственно спросил Сандро.

– Нет-нет – неопределенно прошептал Сеппи, по-прежнему глядя на луну.

– Ну тогда возьми себя в руки! – резко сказал Неро.

После этого Сеппи встряхнулся и пел намного лучше, чем всегда. Он пел так хорошо, что собаки залаяли даже на дороге к поселку Местре, а Сандро и Неро забыли о его непонятном поведении.

Но на следующей неделе они припомнили ему это, потому что он пришел еще позже, чем в прошлый раз, и в самом странном виде: усы были опущены, глаза сузились до щелочек, а шерсть была в пыли и паутине.

А когда подошла его очередь петь, Сеппи смог выдавить из себя лишь слабый писк, чуть громче голоса летучей мыши.

– Послушай, это никуда не годится! – возмущенно сказал Неро. – Ну-ка расскажи нам, что происходит. Где ты шлялся всю неделю? Я не видел тебя с прошлой пятницы.

– Говори, Сеппи, – добавил Сандро. – Ты должен рассказать, что случилось. В конце концов мы учили тебя музыке.

Тут Сеппи вдруг оживился, глаза его загорелись, обрубок хвоста и жидкие усы встали дыбом, и он заговорил.

– Музыке? – переспросил он. – Ах, милые друзья мои, вы думаете, мы создаем здесь хорошую музыку? Вы считаете, у нашего трио самая лучшая

музыка в Венеции? Тогда пойдемте со мной, Я поведу вас туда, где можно кое-что услышать. И вы поймете, что мы не имеем никакого представления о музыке!

Тут Неро и Сандро переглянулись. Этот малый должно быть спятил, говорили их глаза, уши и хвост. Сандро изящно покачал хвостом. Ну ладно, мы еще посмеемся над ним. Надо помочь ему избавится от этого нелепого заскока. Иначе придется подыскивать другого диканта.

И все же они последовали за ним.

Сеппи стрелой пронесся по балюстраде моста и по дорожке рядом с каналом. Потом перешел на галоп и повел их через кривые переулки, по мощеным площадям, мостам и причалам, пока они не оказались в красивой и богатой части города.

Здесь Сеппи полез вверх – над воротами, по стене, по крыше, а оттуда перепрыгнул через переулок на крышу повыше.

– Зачем ты тащишь нас сюда? – спросил Неро. – Мне знаком этот дом, он принадлежит богатому бумажному фабриканту. Я часто чистил здесь дымоходы. Однажды хозяйка дала мне целую миску свежих сардин.

– Да-да, я верю, пойдемте, – невнимательно сказал Сеппи и полез еще выше, к чердачному окну. – Теперь – поднимайтесь сюда, сидите тихо слушайте!

Это слуховое окно мансарды, прямо посередине крыши. Все три кота уселись на очень пыльном подоконнике. Он оказался лишь на несколько шагов выше уровня покатой крыши. И это было удачно, потому что от волнения Сеппи потерял равновесие и съехал на самый край.

– Теперь слушайте, слушайте! – умолял он.

Неро и Сандро посмотрели в окно, надеясь узнать, что же так взволновало их юного коллегу. Они увидели небольшую мансарду, где не было ничего, кроме стула, ящика и пюпитра с нотами. На ящике лежал гобой. На стуле сидел юноша и настраивал скрипку. Потом музыкант стал играть на ней.

Вскоре Неро тайком утикал слезу с черного носа. Сандро же был так взволнован, что уткнулся в пушистый золотистый хвост. А голубой и желтый глаза Сеппи сверкали, как сапфир и топаз.

– Ну вот! – сказал Сеппи после паузы. – Вы слышали что-нибудь прекраснее этого? Хоть раз в жизни?

Коты молча качали головами. Они были потрясены мастерством скрипача и очарованием музыки.

– Ну вот! – повторил Сеппи, когда скрипач окончил пьесу. – Что я вам говорил?! Теперь вам понятно, почему меня не было видно на этой неделе? Все дни я проводил на этом подоконнике, слушая его игру.

– Кто этот юноша – вежливо спросил Сандро, немного придя в себя.

– Я его знаю, – сказал Неро, – Это сын фабриканта. Его зовут Томазо. Однажды, когда я залез в дымоход и вырвался наружу в большом зале, я слышал, как отец говорил ему:

«Томазо, сын мой, музыка – это прекрасно, но почему ты не выходишь на улицу и не развлекаешься, как другие юноши? Зачем ты целыми днями играешь на скрипке в мансарде?»

А мать Томазо сказала мужу:

«Ах, Антонио, оставь мальчика в покое! Если ему нравится играть на скрипке и гобое, то это не вредное занятие и не дорогое».

Тут юноша заиграл снова, на этот раз на гобое, и мелодии были такими прекрасными, что Сандро стал тихо всхлипывать, вспоминая свое детство, а Неро прямо заливался слезами и дважды отбегал от окна мансарды, чтобы прийти в себя. Оба от чистого сердца были благодарны Сеппи за такое наслаждение музыкой.

С того времени на мосту больше не было концертов. Не только ночь в пятницу, но и каждый вечер недели три товарища просиживали на пыльном подоконнике и, широко открыв глаза и разинув рты, слушали музыку юного Томазо. Они совсем забросили собственное музенирование, и все кошки Венеции не могли понять, что же случилось со знаменитым трио, и были глубоко опечалены. Тогда другое трио имело дерзость занять деревянный мост, но их пение было таким отвратительным, что публика прогнала их. И с тех пор ночи по пятницам в том квартале ничем не отличались от остальных. Жители соседних домов ничуть не огорчались, но кошачье население считало это серьезной потерей.

Днем Неро и Сандро возвращались к своим обычным занятиям, но делали это с большой неохотой. Бенно Фоско вскоре пожаловался на торопливость и небрежность Неро. Принцесса Капелла заметила, что шерсть ее любимца постыдно пыльная и запущенная. А маленький Сеппи почти не заботился о своем пропитании и стал худым как засохший лист. Он оставался на подоконнике до тех пор пока юный Томазо не отправлялся на короткую прогулку. Когда юноша уходил, Сеппи поспешно спускался с крыши и либо шел за ним по переулкам и площадям, либо прыгал в его гондолу и, сидя в укромном уголке, смотрел на своего кумира с любовью и восхищением.

«Ах, – часто думал он с печалью, – как бы я был счастлив, если бы принадлежал ему, как Сандро – принцессе. С какой гордостью сидел бы я на носу его лодки, когда она плывет по каналу».

Или он воображал, что лежит в теплой комнате на голубой бархатной подушке, часами слушая игру своего хозяина. Наверное, в жизни не могло быть большего счастья.

«Однако, — думал Сеппи, — такие мысли можно выбросить из головы. Томазо мог бы иметь самого красивого кота в Венеции. Он никогда не взглянет на такого заморыша, как я».

На самом деле Томазо один или два раза замечал Сеппи, прятавшегося в углу лодки, и спрашивал гондольера:

— Это ваш кот?

— Нет, господин, маленький Сеппи никому не принадлежит, онничейный.

— А как он оказался в лодке? — Лодочник пожимал плечами. — Тогда бросьте его за борт — наверняка у него полно блох.

Сеппи совсем не хотелось быть выброшенным из лодки, и он сам удирал. А потом снова возвращался к окошку мансарды и ждал, когда вернется Томазо.

Верный привычке ходить за молодым человеком и прислушиваться к его разговорам, Сеппи лучше своих приятелей знал о делах его семьи.

Два или три месяца спустя между Томазо и его отцом произошла сильная ссора, после которой юноша убежал к себе в мансарду и хлопнул дверью. Отец почти никогда не поднимался выше второго этажа, где были просторные гостиные, но на этот раз он в бешенстве погнался за сыном.

— Если это твое последнее слово, — крикнул он через дверь, — можешь оставаться здесь, пока не передумаешь.

И он запер дверь, а ключ спрятал в карман. Томазо не ответил.

— Я прикажу слугам не давать тебе есть и пить, пока ты не выбросишь это нелепое намерение из головы! — в ярости пригрозил старый Антонио.

Томазо молчал.

— И не надейся пожаловаться матери. Я отвез ее к тетушке Габриэлле в деревню! — прокричал старик и затопал вниз по лестнице.

— В чем дело? — спросил Сандро у Сеппи при встрече. — Чем провинился Томазо, что так расстроил старика?

— Он влюбился в девушку из сиротского приюта. И хочет жениться на ней.

В Венеции было четыре больших приюта, где сирот учили музыке и красивому пению.

— Боже мой! — сказал Неро. — Я думал, все сироты кривоногие или одноглазые.

— Ничего подобного, — возразил Сеппи. — Я видел, как Томазо встретился с ней. Она очень хорошенъкая. И у нее прекрасный певческий голос. Ее зовут Маргарита.

— Тогда почему отец запрещает Томазо жениться на ней?

— Он хочет, чтобы сын женился на богатой девушке.

— Гм! — сказал Сандро. — Томазо наверняка уступит, когда почувствует настоящий голод.

— Будь он находчивым, он выбрался бы через крышу, — предположил Неро.

— Томазо никогда не сумеет сделать это, — печально произнес Сеппи. — Кот может, но только не человек.

Этот дом и вправду был очень высок, с крыши его открывался чудесный вид на пол-Венеции, но пути вниз не было, разве что для котов. Утром Томазо сам убедился в этом, он выбрался через окно, обошел всю крышу, а затем, пожав плечами, вернулся в мансарду.

Целый день юноша писал музыку и играл самые грустные мелодии.

— Родители уехали в деревню, — сообщил Сеппи, когда Сандро и Неро пришли к нему вечером. — И всех слуг взяли с собой, кроме очень злого эконома Микеле. Ему приказано не давать есть Томазо, пока тот не напишет письмо отцу с обещанием забыть о девушке.

Как раз в это мгновенье они услышали эконома, стучавшего в дверь мансарды.

— Вы напишете отцу и сообщите, что передумали?

— Никогда! крикнул юноша и с вызовом заиграл на гобое.

— Тогда я не дам нам ужина, сказал Микеле, и коты услышали на лестнице его удалявшиеся шаги.

Прошло два дня.

— Дело плохо, — заметил Сандро. — Томазо стал бледным и сильно исхудал. Людям для жизни нужно много есть. Вдруг он умрет? Не будет больше музыки!

Даже Неро помрачнел от этих слов, а Сеппи чуть не свалился с подоконника от такой жуткой мысли.

На следующий день с ужасным трудом Сеппи приволок на крышу две большие рыбьи головы и с надеждой положил их у окна. Но узник, похоже, не заметил их.

После еще одной ночи Томазо весь день пролежал на плаще, расстеленном на полу. Он очень ослабел и не прикасался к скрипке, лишь сыграл несколько нот на гобое.

— Случилось страшное! — с тревогой сообщил Сеппи вечером, когда пришли Сандро и Неро.

— Ну что?

— Эконом влез в драку с матросами на набережной. Я наблюдал с садовой ограды. Камень попал ему в голову, и Микеле унесли, словно мертвого.

— И теперь никто в Венеции не знает, что бедный юноша голодаает в мансарде? — спросил Сандро.

— Боже мой, это плохо, — сказал Неро.

— Надо что-то предпринять, — растерянно произнес Сеппи.

— Но что? — спросил Сандро. Все трое надолго задумались.

— Ему нужна еда, — наконец сказал Неро.

— Он не видел рыбьих голов, которые я принес, — печально вымолвил Сеппи.

— Рыбьи головы бесполезны, — презрительно заметил Сандро. — Люди не едят такую дрянь.

Воцарилось долгое, тревожное молчание.

— Если бы мы могли залезть в окно, — сказал Сеппи.

Но окно было плотно закрыто. Все попытки открыть его успеха не имели. А молодой человек лежал к ним спиной, без движения, он был очень слаб.

Наконец, Сеппи смущенно произнес:

— Знаете, у меня появилась идея.

— Ну что у тебя? — спросил Неро. — Говори скорей.

— У меня... — заговорил Сеппи, все больше робея, тогда как его друзья ждали с надеждой. — У меня есть... в общем, у меня есть друг. Он... он занимает другой конец водосточной трубы, где я живу.

— Кто это?

Неро и Сандро переглянулись и пожали плечами. Вероятно, это было очень унизительное знакомство, хотя трудно было представить себе, чтобы какой-нибудь уличный кот занимал более низкое положение в кошачьем обществе, чем Сеппи.

— Ее зовут Умберта, — прошептал Сеппи, потупив взор.

— Никогда не слышал о ней. Я считал, что знаком со всеми кошками Венеции, — сказал Неро.

— Умберта... она как раз не кошка.

— Так кто же она?

— Она... она... — м-мышь.

— Что? — Неро и Сандро чуть не свалились с подоконника от негодования.

— Разумеется, это очень умная мышь, — с опаской продолжал Сеппи, однажды она спасла мне жизнь, когда рыбья кость застряла у меня в глотке. Умберта вытащила ее.

— Ну так что же? — спросил Неро после томительного молчания. — Какое отношение имеет твоя идея к этой мыши?

— Вы не понимаете? — Сеппи немного приободрился. — Мыши могут проникнуть в любые места. Если бы я привел сюда Умберту, — только вы должны пообещать, что с уважением отнесетесь к ее точке зрения, — она прогрызла бы дырку в окне мансарды. И протащила бы еду.

— А какую еду она смогла бы взять? — презрительно спросил Сандро.

Сеппи задумался.

— Ну, сыр. Горох. Все, что может нести мышь

— Гм! — сказал Неро. — Да, такую возможность я допускаю. Во всяком случае, нет смысла обсуждать, что она понесет, пока мы не разыскали ее. Ты сможешь привести ее сюда?

— Я постараюсь.

— Одного старания мало. Лучше я пойду с тобой, — предложил Сандро.

— У тебя плохое чувство равновесия, будет беда, если ты уронишь мышь по дороге сюда. Я убежден, это единственная мышь в Венеции, которая разговаривала с котом.

— Верно. Тогда пойдем, если ты так думаешь, с сомнением согласился Сеппи. — Но ты будешь осторожен с ней, хорошо?

— Клянусь честью Каппеллы. Я часто уносил на кухню котят, когда они забирались в будуар моей хозяйки. Я знаю, как себя вести.

Сеппи так беспокоился за Томазо, что не особенно стеснялся приглашать Сандро в свое бедное жилище. Его ум был занят мыслями о том, какую еду можно перенести в мансарду. Яйца? Но умеют ли мыши носить яйца. Морковки?

Умберта была большой старой бурой мышью с блестящими черными глазами, серыми усами, рыльцем и хвостом. Сеппи уже поведал ей об участии бедного юноши, так что она не очень удивилась, когда два кота появились у ее конца водосточной трубы и попросили пойти с ними. Однако она не слишком обрадовалась, узнав, что Сандро понесет ее во рту.

Но Сандро доказал свою осторожность и надежности он так искусно пронес Умберту по стенам и конькам, крыши, как будто держал во рту яйцо павлина. Для мыши это было даже удобнее, чем если бы Сеппи нес ее на загривке. Но когда они очутились у окна мансарды, Сеппи удивился, что усы Умберты остались целыми и невредимыми.

Как только Сандро выпустил ее, мышь засуетилась на подоконнике, изучая все возможности в довольно основательной профессиональной манере.

— Это будет совсем просто, — сказала Умберта. В оконной раме уже есть мышиная норка, заделанная замазкой и кусочками бумаги, но я быстро расчищу ее.

И она проворно заработала острыми как бритва зубами, а мусор убирала маленькими, но сильными и умелыми лапками.

А три кота наблюдали за ее работой и мечтали хоть чем-нибудь помочь ей.

— Почему вы не несете еду, пока я работаю? — спросила Умберта, выбравшись из своего тоннеля за глотком свежего воздуха.

Это была хорошая мысль. Сандро и Неро сразу же отправились на поиски. А Сеппи остался рядом и обещал помочь.

— Когда ты прогрызешь дыру чуть больше, я смогу просунуть лапу и вытащу оставшийся хлам.

Вскоре оба приятеля вернулись. Неро принес толстый кусок сыра, а Сандро — полбулки хлеба. Все это они стащили из trattории в конце улицы.

— Отлично, — слезала Умберта, почувствовал себя увереннее. — Теперь, если Сеппи просунет лапу поглубже, я смогу пробраться в мансарду.

Сеппии засунул лапу до плеча и проломил тонкий слой замазки. И тогда Умберта пролезла в нору.

— Путь свободен, — вернувшись, сообщила она. — А юноша спит, он не умер, он дышит, но глаза его закрыты.

Тем временем коты раскрошили сыр и хлеб на мелкие кусочки. А Умберта пронесла их через нору и положила перед Томазо. Однако ее сообщение оказалось неутешительным.

— По-видимому, он не хочет проснуться и поесть. Люди такие медлительные! Если положить очень вкусный, остро пахнущий сыр перед спящей мышью, она мгновенно проснется.

— Ты положи несколько крошек ему в рот, — посоветовал Сеппи.

Умберта попыталась сделать это.

— Бесполезно, — сказала она, вскоре вернувшись. — Юноша только сбрасывает их рукой. А его голова горячая, как огонь. Наверное, у него жар.

— Когда у моей хозяйки был жар, — вспомнил Сандро, — она ела много фруктов. Апельсины и дыни.

— Дыни? Но как пронести сюда дыни? — раздраженно спросил Неро.

— Я придумал! — воскликнул Сеппи. — Виноград! И я знаю, где его взять. Внизу, за этим домом, есть большое застекленное помещение. По дороге сюда я прохожу по его крыше. В нем растет лоза, усеянная гроздьями

винограда. Умберта, ты можешь пробраться в дом и попросить помочи у домовых мышей? Они должны быть повсюду: каждый дом и Венеции полон мышей.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказала Умберта.

И она юркнула в нору. Потом вернулась и рассказала о щели под дверью мансарды и о намерении продолжить разведку.

Она опять убежала и где-то надолго задержалась. А тут и ночь кончилась. В дальних дворах запели петухи, а купола и башенки Венеции озарились розовым цветом. Неро и Сандро не хотели уходить, но их ждали дневные дела.

— А вечером мы вернемся, — пообещали они.

— Принесите поесть, — попросил Сеппи. — Или попить пить.

— Попить? А в чем ты думаешь принести питье? — поинтересовался Неро.

И тогда Сандро придумал.

— У моей хозяйки есть бутыль из-под вина. Но как доставить ее в мансарду? Бутыль ведь не протащить в нору.

— Может, Умберта сумеет расширить ее к вашему приходу, — сказал Сеппи. — Или я сам смогу. Я буду трудиться весь день.

После их ухода Сеппи разработал свой собственный план. Умберта, прогрызая проход, слегка расшатала основание левого оконного стекла. Сеппи просунул лапу и мышиную нору и стал расширять ее, надавливая плечом на стекло, которое дребежжало и мало-помалу поддавалось. Но это была медленная, тяжелая, утомительная работа, и он мечтал, чтобы Умберта поскорее вернулась и помогла прогрызть замазку. Сеппи сам пытался делать это, но его зубы были не той формы. Он опять просунул лапу и стал выдавливать стекло. И вдруг — о радость! — после долгих усилий оно со звоном упало внутрь, на пол мансарды.

Однако стекло было очень маленьким. Сеппи не знал, сможет ли он протиснуться в дыру, оставшуюся от стекла.

«Я буду настоящим глупцом, если застряну на полпути», — подумал он и проверил размер усами. Дыра оказалась подходящей.

Затаив дыхание, кот стал пробираться вперед. Теперь Сеппи как раз мог сделать это: за последние тревожные дни он сильно исхудал.

Наконец-то он оказался в мансарде, где так страстно мечтал побывать!

«Как хорошо, что я маленький, — подумал кот про себя, — ни Неро, ни Сандро не смогли бы сделать этого».

Сеппи подкрался к Томазо и обнюхал его со всех сторон. Живой, слава Богу, но Умберта сказала правду: юноша несомненно был болен, его руки и лоб пылали, губы пересохли и потрескались, и он беспокойно метался, бормоча в бреду:

— Мама! Пожалуйста, не наказывай меня. Я играл последнюю пьесу слишком быстро, я должен сыграть ее еще раз, помедленнее. Маргарита, почему ты не навещаешь меня? Пожалуйста, посмотри сюда...

Сеппи очень страдал от бессилия помочь своему кумиру. Он несколько раз облизал лоб Томазо, чтобы слегка остудить его, он принес еще немного хлеба и сыра, но было ясно: юноша слишком серьезно болен, и ему не станет лучше от такой еды.

Наконец, к великой радости, Сеппи услышал тихое сопение и царапанье и, обернувшись, увидел Умберту. Она катила большую зеленую виноградину. За ней последовала вторая мышь, третья, четвертая, пятая, и каждая тащила по виноградине. Мышей становилось все больше и больше, пока они не заполнили всю мансарду. Виноград валялся повсюду.

— О, браво, браво! Правильно сделала, моя милая Умберта! — радостно воскликнул Сеппи. — Ах, если бы мы еще могли заставить Томазо съесть хоть одну ягоду...

Но легче сказать, чем сделать. Сеппи попытался положить ягоды Томазо в рот. Однако они только скатывались, как крошки хлеба и сыра.

— Так нельзя: он может подавиться, если хоть одна виноградина попадет ему в горло, — заметила Умберта. — Как ты рыбьей костью, Сеппи.

Наконец они решили и эту задачу. Две мыши взялись за дело. Одна села на воротник Томазо, а другая — ему на руку. Они так сдавили ягоду, что сок потек в угол открытого рта больного.

— Он проглотил! — крикнул Сеппи. — Я видел движение его горла. Быстрее! Еще одну виноградину!

Они стали передавать виноградины из лапки в лапку — так же быстро, как дождевые капли сбегают по перилам. Когда две мыши устали давить ягоды, их сменили другие. Мыши сновали взад и вперед, пролезая под дверью и спускались по лестнице к оранжерее, где рос виноград. Больной все глотал и глотал, не открывая глаз.

Наконец он глубоко вздохнул, плотно сжал губы, и сок последней виноградины потек по его подбородку. Тогда Томазо перевернулся и уткнулся лицом в согнутую руку, едва не придавив двух мышей.

— Я считаю, на первый раз хватит, — сказала Умберта. — Больным нельзя сразу много есть. Но я верю, от винограда ему станет лучше.

И действительно, юноше стало легче дышать. Жар спал и Томазо перестал бредить. Мыши бегали вокруг него и с сочувствием говорили:

— Бедняжка! Какие безжалостные у него родители! Это позор.

— Я думаю, они не хотели, чтобы он умер, — сказал Сеппи. — Они велели эконому присматривать за ним.

— Но его нет! Он никогда не вернется. Дом совершенно пустой.

— А еда в доме есть? — спросил Сеппи.

— Есть, но немного. Что нужно принести?

— Все, что вы можете.

И до конца дня мыши бегали взад и вперед, вверх и вниз по лестнице, под дверью мансарды, принося орехи, маслины, вишни, бобы, брюссельскую капусту, зерна риса, виноград, кусочки моркови, артишока, сыра, сушеный рыбы.

Сеппи сидел рядом с юношой и целый день любовно облизывал его лоб. Томазо еще дважды приходил в себя, и каждый раз заботливые мыши давали ему виноградный сок.

Когда стемнело, появились Неро и Сандро. Они шатались от усталости. Сменяясь поочередно, коты тащили тяжелую бутыль.

— Боже мой! — сказал Неро. — Нескоро перестанет ныть моя шея. Но я думаю, бутыль пройдет в эту дыру. Ты молодец, что выбил стекло.

Неро и Сандро остались снаружи. А Сеппи, крепко зажав в лапах горлышко бутыли, потащил ее и наконец опустил на пол мансарды.

— Что в ней? Вино?

— Нет, намного лучше, — сказал Сандро. — Териака! Моей хозяйке ее дал захарью.

Териака — это лекарство, широко применявшиеся в то время в Венеции. Ее делали из корицы, перца, укропа, лепестков розы, янтаря, гуммиарабика, опиума, разных трав и пряностей. Считалось, что она излечивает все болезни, кроме чумы.

— А как вытащить пробку?

Но мыши справились с этим. Вскоре они разгрызли пробку.

Однако теперь появилось новое препятствие. У Сеппи даже вместе со всеми мышами не хватило сил, чтобы наклонить бутыль ко рту Томазо. И он очень боялся пролить драгоценное содержимое. Неро и Сандро заглядывали в окно и давали советы, но не могли прийти на помощь: дыра была слишком мала для них.

— Подложите ему скрипку под голову. Нет, лучше гобой. Но это было невозможно.

— Итак, мы должны принять решительные меры, — сказал Сеппи и, приказав мышам держать бутыль наклоненной как можно ближе к лицу юноши, резко ударил Томазо по руке.

Разбуженный внезапной болью, молодой музыкант открыл глаза и прямо перед собой увидел бутыль.

— Это мне снится, снится... — прошептал он, но все же приподнялся на локте, схватил бутыль и выпил ее сильно пахнущее содержимое одним долгим глотком. Затем он откинулся назад и закрыл глаза.

— Браво, браво! — закричали мыши. — Теперь ему станет лучше! Териака вылечит его! Теперь надо только хорошенъко кормить Томазо, и скоро мы снова услышим прекрасную музыку.

— А теперь, — оказали мыши, — поскольку его высокопревосходительство Великий Черный Кот находится здесь, может, его светлость спустится на кухню и снимет крышку с большого чугунного котла, где — мы знаем! — полно вареных спагетти, приготовленных еще экономом. Крышка слишком тяжела для нас. А его величество легко сделает это.

Неро удивило столь почтительное обращение. Он с сомнением взглянул на мышей, желая убедиться, не шутят.

— А как я попаду на кухню? — холодно спросил он.

— Ну конечно же через дымоход! Синьор Неро лучше всех в Венеции

знает, как это делается. А огня нет уже много дней.

— Да, а ведь это хорошая мысль, Неро, — заметил Сандро. — А когда ты попадешь в кухню, то сможешь найти еду, недоступную для мышей.

— Только обещай быть вежливым с любой мышью, которая встретится тебе, — с тревогой попросил Сеппи. — Они хорошо потрудились для спасения Томазо.

Неро пообещал сдерживаться и побежал к дымовой трубе, расположенной по другую сторону крыши. Послышались шорохи, глухой стук, а затем наступила долгая, томительная тишина.

Сандро забеспокоился.

— Я все же надеюсь, он не застрял в дымоходе.

Но тут из-под двери стали появляться мыши. Они тащили длинные-предлинные спагетти, которые растянулись во всю длину лестницы. Вскоре в углу мансарды свернулось большое белое кольцо спагетти. По некоторым ругательствам за дверью можно было догадаться об участии Неро в этом деле, но ему тяжело давалось сотрудничество с мышами.

Через какое-то время он появился на крыше со связкой перепачканных в саже сосисок и передал ее в окно мансарды.

— В кухне больше ничего не было, — сообщил Неро. — Наверное, все продукты родители забрали с собой. Придется самим позаботиться о запасах продовольствия.

Однако теперь узник был хорошо обеспечен, еды хватало по крайней мере на пару дней.

Мыши устало разбрелись по своим норкам, а Неро и Сандро собрались идти домой. А Сеппи решил провести ночь рядом с больным. Умберта робко спросила, кто доставит ее домой, она плохо знала дорогу.

— Моя милая Умберта! Ну конечно же я провожу тебя до самого входа в водосточную трубу, — любезно сказал Сандро.

Поздней ночью по Большому каналу плыл на лодке гондольер. У пристани он заметил золотистый хвост Сандро.

— Представляешь, — говорил он потом жене, — я видел мышь на спине у кота! Они спрятались у дворца Каппеллы.

— Эрнесто, ты опять выпил слишком много кьянти, — сказала жена, сонно поворачиваясь в постели.

К счастью, водосточная труба, где жили Сеппи и Умберта, находилась лишь в паре кварталов от дворца Каппеллы. Сандро, как и обещал, принес Умберту к самому входу, а сам побежал домой: он заслужил дневной сон. Неро же улегся на мешке с сажей в лодке хозяина и задремал. А Сеппи бодрствовал остаток ночи, охраняя сон Томазо, и на рассвете с радостью заметил, что юноша задышал спокойнее, лоб его стал прохладным, руки — влажными, а жар спал. Наконец, довольный тем, что больной поправляется, Сеппи свернулся в клубок, прижалвшись к груди Томазо, и уснул.

Пронеслись они вместе. Томазо со сдавленным криком внезапно приподнялся и прогнал вскочившего Сеппи.

— Что... что я здесь делаю? — растерянно спросил юноша. — Я видел

сон... мне снилось, что я был один много-много дней... Я умирал с голоду. Это правда? Боже мой! — добавил он, увидев лежавшие вокруг кучки маслин и виноградин, ряды моркови и бобов, вкусные, аккуратно разложенные вишни и каштаны, зерна риса, горошины и белое кольцо спагетти.

—Кто принес все это? Неужели Микеле?

—Мур-р, — ответил Сеппи.

—А может, ты? — спросил Томазо, внимательно посмотрев на него. — Как ты пробрался сюда? Я тебя знаю — ты тот самый кот, что всегда старается пробраться в мою гондолу. Да, сейчас можно сказать, я счастлив в твоем обществе. А теперь давай позавтракаем вместе.

Но Сеппи наотрез отказался, а сам с огромным удовольствием смотрел, с каким аппетитом юноша ест спагетти и маслины, виноград, каштаны и сосиски.

Вскоре прибежали домовые мыши и принесли с собой кусочки свежего сыра страччно.

—Наши друзья живут на сыроварне. Они узнали о положении молодого господина и передали с нами гостинец. Это подойдет ему?

Томазо с изумлением глядел, как процессия мышей катила по полу кусочки сыра и под наблюдением Сеппи складывала их на лист артишока.

Потом чайка тихонько постучала в окно.

—Прошу прощения, я слышала, юноше нужно немного фруктов, не так ли?

Тут прилетело около пятидесяти чаек и каждая бросила на крышу апельсин или грейпфрут.

Затем появилась целая стая голубей и каждый нес какое-нибудь лакомство: лепешку, креветку, сардину.

—Все это мы подобрали на уличном рынке, — объяснил Сеппи один голубь. — Мыши разнесли по городу весть о том, что здесь голодает молодой музыкант, мы не могли этого вынести. Все любят его игру. Потом прилетели лебеди и каждый принес устрицу.

—Желаем скорого выздоровления молодому господину.

А с макаронной фабрики, тяжело дыша, прибрели крысы. Теперь Томазо был обеспечен на целый год: на крыше образовалась гора спагетти.

—Сеппи, — с изумлением сказал юноша, — ты поднял на ноги весь город.

Сеппи скромно стал облизывать обрубок хвоста. Он чувствовал неловкость оттого, что вся благодарность досталась ему.

Так прошло три или четыре дня, потом неделя, две. Сандро и Неро появлялись каждый вечер. Но Сеппи оставался с Томазо все дни и ночи. Днем он с удовольствием наблюдал, как юноша расправляет с запасами еды и крепнет прямо на глазах, а ночью они спали рядышком, укрывшись плащом Томазо.

К концу первой недели музыкант поправился и уже играл на гобое. Сеппи от радости не мог сдержать себя. Часами сидеть на плаще Томазо, слушая его

удивительно прекрасную музыку, — у какого еще кота на свете могла быть такая счастливая судьба?

На пятнадцатый день прилетела чайка и прокричала:

— Родители возвращаются! Плынут в гондоле по каналу.

Вскоре внизу застучали, захлопали дверьми, донеслись громкие восклицания. Потом на лестнице раздались тяжелые шаги. Все мыши бросились врассыпную.

И вдруг в замке повернулся ключ, дверь распахнулась и на пороге возникли отец и мать Томазо. Их лица были белыми, как сыр страччино, вероятно, они ожидали застать сына мертвым на полу. —Сын мой, сын мой!

— Мой милый сыночек!

— О, мой дорогой мальчик!

— Боже мой, он жив-здоров! Слава всевышнему! Они снова и снова обнимали Томазо.

— Ах, мое дорогое дитя! Какое милосердное проведение, что ты по-прежнему с нами! — сказал отец. — А где Микеле? Мы приказали ему выпустить тебя через четыре дня, даже если ты не образумишься. И мы собирались вернуться к концу недели, но в деревне твоя мать заболела, и нельзя было выехать до вчерашнего дня. Но Микеле ничего не сообщил нам. Что же случилось? Почему дом пуст и огонь не зажжен? И кто кормил тебя все это время?

— Я уверена, о мальчике позабочились благословенные святые, — со слезами на глазах сказала мать. — Теперь ты видишь, Антонио, наш сын не такой, как все. И если он хочет жениться на девушке из приюта, — я думаю, она — само очарование, — пусть женится!

— Ну, ладно, — согласился старый Антонио. Он так был рад видеть своего дорогого сына живым и здоровым, что разрешил бы ему жениться даже на русалке. — А что, о тебе в самом деле заботились благословенные святые?

— Нет, отец. Это был некрасивый, бесхвостый маленький кот по кличке Сеппи.

— Кот?! Где он?! — воскликнула мать. — Он будет сидеть на золотой подушке до конца дней своих.

Но Сеппи, напуганный шумом, поспешно выпрыгнул в разбитое окно. К счастью, он очень скромно притрагивался к запасам Томазо и запросто пролез в дыру. От Сеппи и мышей не осталось никаких следов, только в мансарде валялись маслины, каштаны и сыр.

Родители Томазо отвели сына вниз. Они хотели накормить его самыми лучшими лакомствами в Венеции, но он признался, что сыт и совсем не желает есть. Тогда они послали в приют записку, прося руки Маргариты Римонди для своего сына и наследника. Было решено сыграть свадьбу через две недели. Два дня спустя мать спросила Томазо:

— В чем дело, сын мой? Ты что-то стал задумчив. Разве ты не счастлив?

— Счастлив, как никогда, мама. Но я хотел бы найти этого маленького кота. Ведь он действительно спас мне жизнь.

— Сын мой, а ты уверен в этом? Может, он пригрезился тебе в бреду?

—Ах, надеюсь, что нет! — сказал Томазо. А затем добавил: — Нет, я убежден, кот не пригрезился мне. Ведь он прятался в моей гондоле еще до того, как все это случилось.

—Ну, тогда можно разыскать его.

А в самом деле, где был Сеппи? В водосточной трубе. Он укрылся в своем убежище, уверенный в том, что родители все простят сыну, и никто даже не вспомнит о грязном маленьком уличном коте с оборванным хвостом.

Целыми днями Сеппи сидел в трубе, приунывший и грустный.

—Знаешь, тебе нужно хоть немного развлечься,— неодобрительно сказала Умберта с другого конца трубы. Сеппи лишь что-то пробурчал в ответ.

Он думал: «Когда Томазо женится, он может уехать из Венеции. И я никогда больше не увижу его и не услышу его музыки».

Сеппи был несчастен. Но однажды он услышал плеск весла гондолы на соседнем канале, а затем донесся сильный бас Неро:

—Сеппи! Выходи! Все тебя ищут!

Сеппи выглянул из трубы. Это было лодка Бенно Фоско, нагруженная черными мешками, а Неро, перепачканный в саже, полный достоинства, сидел и командовал.

—Идем! Скорее! Томазо завтра женится и просит всех, кто помогал ему, а тебе особенно, присоединиться к свадебной процессии.

—Ах, он не скучает по мне, — пятым назад, сказал Сеппи.

—Что за вздор! Ведь он развесил объявления по всей Венеции: «Разыскивается небольшой черно-белый кот с оборванным хвостом. Один глаз голубой, другой — желтый». — Неужели?

—Томазо хочет, чтобы ты жил в его доме!

—Ч-что?

—А ты мог бы согласиться, — доброжелательно посоветовал Неро. — Я думаю, это заманчивое предложение. В конце концов мы с Сандро живем в своих собственных домах, а что есть у тебя? Водосточная труба! Ну что это за жилье? Собирайся — Бенно не может долго ждать. Нам еще надо обслужить шестерых заказчиков.

Свадьба вышла незабываемая. Над гондолой жениха и невесты летали чайки и голуби. За ней плыли лебеди. На набережной и на мостах выстроились мыши. И все кошки Венеции были там. Они сидели на подоконниках, порогах, ступеньках, на яликах и паромах, на корпусах и носах кораблей. Такого множества кошек никогда не видели с тех пор.

Сеппи пошел жить к Томазо и Маргарите. Он спал на голубой бархатной подушке. Его чистая шерсть заблестела, белые пятна стали как шелк, а черные — как эбеновое дерево. Он остался таким же маленьким, как прежде. Когда у Томазо с Маргаритой пошли дети, он весело играл с ними. А всего их родилось шестеро. Томазо стал известным композитором, а Сеппи — самым счастливым котом в Италии. Ему одному из всех домочадцев разрешалось заходить в кабинет хозяина и слушать любую мелодию в его исполнении.

Но раз в неделю Сеппи взбирался на крышу и пел в ночном концерте с Сандро и Неро. Вскоре это трио стало знаменитым, и их приходили послушать кошки из Милана и даже из Рима.

Прошло несколько лет. Томазо, теперь уже очень известного, пригласил в гости Герцог Баварский. И однажды во время этого визита композитор встретил человека, который при виде его стал белым как мел, упал на колени и, заикаясь, вымолвил:

— Это к-к-кажется м-молодой хозяин? Хвала всем святым! Я думал, вас нет в живых!

Это был эконом Микеле.

Он рассказал, что его избили до потери сознания в уличной драке. Очнулся Микеле на корабле, куда его затащил какой-то тип, принятый им за матроса. А судно было уже на полпути к Африке.

— А когда я вспомнил, что оставил вас совсем одного в доме, — о, я чуть не сошел с ума! Прошла неделя — я решил, вы уже мертвый. Я не посмел вернуться в Венецию. Все время я был в глубоком горе, думая о вас и о ваших несчастных отце и матери. Ах, простите меня, простите!

— Простить? Но ведь ты не был виноват! — сказал Томазо. — Ты лишь выполнял волю моего отца. Садись скорей на лошадь и возвращайся в Венецию!

— Я должен был выпустить вас через четыре дня!

— Так оно и было. Ты не хотел оставлять меня закрытым в мансарде. Но так или иначе — какое хорошее дело ты совершил! Без этого я никогда бы не женился. И никогда не встретил бы моего Сеппи!

ПРИМЕЧАНИЕ. Томазо Альбиони, сын богатого бумажного фабриканта, действительно жил в Венеции с 1671 по 1750 год, писал прекрасную музыку, был женат на Маргарите Римонди и имел шестерых детей. Точно неизвестно, был ли у него кот. Но вероятнее всего был. Ведь в Венеции полно котов.